

Семен ЧЕРА

студент I курса факультета Гуманитарных Технологий
университета Высшая Антропологическая Школа

Научный руководитель: д-р истории Р.А. Рабинович

РУССКИЙ КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ – САКРАЛЬНАЯ СТОРОНА ПРИВЫЧНОГО ОБРАЗА

Chera S. Russian kniaz Sviatoslav – a sacral aspect of his typical image.

In this article the author tries to attract attention to the third – sacral image of the Russian kniaz Sviatoslav as opposed of two other images «viking» and «ruler» described in scientific researches. The author touches upon a question of the role played by this ruler in Ancient Rus' society, shows resemblances of the authority structure in the eastern and northern neighbors of Kievan Rus – Khazaria and Scandinavia, using wide set of written sources.

Данная работа ставит своей целью обратить внимание на некоторые интересные детали при исследовании образа русского князя Святослава, отраженного в исторических источниках. Правление этого князя запомнилось его современникам почти исключительно войнами, которые Святослав вел непрерывно. Сначала это были войны на востоке, с хазарами и народами, входившими в орбиту влияния Хазарского каганата, а затем и с другими, южными своими соседями – Дунайской Болгарией и Византийской империей. Даже начало княжения Святослава русский летописец связывает с военной акцией княгини Ольги против древлян в 946 г. (ПСРЛ 1962: I, 56). Также не удивительно, что и греческие историки Лев Дьякон и Иоанн Скилица, писавшие об «архонте росов», в первую очередь обращают внимание на военный аспект взаимоотношений Святослава с Константинополем.

Так как в задачи этой работы не входит детальный обзор историографии, посвященной Святославу, я взял на себя труд остановиться лишь на самых значимых моментах, относящихся к личности князя. Приведенный ниже обзор мнений различных ученых основан на историографических данных, приведенных в работах (Сахаров 1991: 49 – 80 и Свердлов 2003: 216 – 234).

Динамика оценок Святослава в историографии развивалась следующим образом. Российскими историками дореволюционного периода, А.-Л. Шлецером, Н. М. Карамзиным в первой трети XIX в., вслед за русским летописцем, было создано первая историографическая концепция событий, связанных с княжением Святослава. В их работах Святослав Игоревич выступает примером замечательного полководца, который, однако, не является выдающимся правителем. Святослав здесь показан в первую очередь любителем приключений, славы, византийским наемником, завоевателем.

Такой взгляд на русского князя отразился в работах А. Черткова, М. П. Погодина, С. М. Соловьева. Последний все же признает в Святославе государственного деятеля крупного масштаба, но лишь до первого его похода на Дунай. М. Е. Пресняков (начало XX в.) видел в Святославе лишь игрушку в руках византийской дипломатии.

Отдельно стоит отметить позицию Н. Знойко и М. В. Довнар-Запольского. Первый в 1907 г., не соглашаясь со своими предшественниками (неправильность их позиций Н. Знойко объяснял некритическим подходом к данным источников), отмечал, что Святослав, несмотря на его воинствен-

ность, был «непосредственным и сознательным продолжателем политики своих предшественников» и русскому князю все же было присуще понимание нужд и потребностей государства.

Однако в дореволюционной историографии такое отношение к Святославу осталось неподдержанным. Исключение составила только вышедшая в 1911 г. работа М.В. Довнар-Запольского, который полагал, что Святослав пытался создать огромную, от Балтийского до Адриатического моря, империю, основываясь не только на насилии и грабеже, но и на трезвом государственном расчете. Однако такая концепция осталась, по мнению А. Н. Сахарова, недоказанной в силу того, что автором не был проделан, во-первых, анализ внешнеполитических устремлений древней Руси и, во-вторых, анализ источниковедческий в отношении русских и византийских сообщений.

Поначалу и советские исследователи при разборе ситуации 60 – 70 гг. X в. придерживались устоявшегося взгляда на Святослава, как на наемника и воина в первую очередь. О «военных авантюрах» говорил С. В. Юшков, о разбойничьих набегах в поисках даней, разорявших местное население, писали С. В. Бахрушин, В.А. Пархоменко. Последовательно Святослава как наемника показал в 1939 г. Ф. И. Успенский.

Со второй половины 30-х начинается переосмысление роли русского князя в связи с комплексным рассмотрением всех процессов, протекавших в древней Руси, и, в первую очередь, с точки зрения формационного подхода. Деятельность Святослава перестала укладываться в рамки простого грабежа. Так, в статье И. Лебедева, опубликованной накануне второй мировой войны, акцент делается на воинские подвиги князя, говорится о том, что Святослав проявил себя также и как политик (этот вывод делается из поведения князя в захваченной им Болгарии), поражение же сил антивизантийской коалиции этот автор объясняет беспечностью Святослава.

Переосмысление образа князя продолжил также и Б. Д. Греков. За Святославом он замечает, в первую очередь, не стремление к грабежам, а желание расширить пределы Киевского государства. Также деятельность Святослава способствует «в разрешении задач европейской, а отчасти и азиатской политики».

В.В. Бартольд, анализируя восточные походы князя, приходит к мнению, что Свя-

тослав решил установить свой контроль над захваченными территориями, что также противоречит раннее господствующей точке зрения на Святослава, как «последнего викинга».

Масштабность военных походов Святослава отмечает в середине 40-х годов М. Н. Тихомиров, который подверг сомнению приписываемый росам византийскими авторами «варварский» захват Болгарии.

Вслед за этими авторами, против взгляда на Святослава как на «воина по натуре», вождя бродячей дружины, выступает и П. О. Карышковский. Он также приписывает Святославу роль умного политика, в основе деятельности которого лежали масштабные государственные расчеты. Наследником завоевательной политики Олега и Игоря показывает Святослава М. В. Левченко. М. И. Артамонов в монографии «История хазар» считает, что только со времени Святослава русские князья переходят от грабежей к завоевательной политике, по его словам, поход руссов на Восток был хорошо спланированным мероприятием, что также говорит о Святославе как об умелом политике и полководце.

Выдающимся государственным деятелем и военачальником, который «стремился сокрушить всю систему европейских и азиатских союзов» и разорвать кольцо враждебных Руси государств, предстает Святослав в «Киевской Руси» Б. А. Рыбакова. Сходных точек зрения на Святослава придерживался также и В. Т. Пашуто.

Наиболее ярко и последовательно на основе анализа обстановки расчетливым политиком и продолжателем деятельности Олега и Игоря показал русского князя А. Н. Сахаров в «Дипломатии Святослава».

Такую точку зрения на Святослава поддерживают не все современные исследователи. По-другому видит Святослава Л. Н. Гумилев в «Очерках этнической истории. От Руси до России». В русском князе, несмотря на масштабность его военных походов, автор видит лишь грабителя, ищущего даней: «Если бы Святослав восторжествовал [имеется в виду 972 г.- С.Ч.], он превратил бы Киев в базу разбойничьих набегов». Также, по Л.Н. Гумилеву, Святослав был выразителем «военно-языческих» настроений в древнерусском обществе.

«Война была единственной всепоглощающей страстью Святослава. По имени славянин, по кодексу чести варяг, по образу жизни кочевник, он был сыном великой Евразии и вольно дышал в ее степях и ча-

щах» – писал О. Субтельный. «Последним викингом» видит Святослава П. П. Толчко, подчеркивая непрочность государственного образования, созданного Святославом.

Для А. В. Назаренко, который рассматривает внешнюю политику князя комплексно, поведение Святослава неразрывно связано с положением его владений в сфере международных отношений того времени.

Типичным норманном, авантюристом-завоевателем изображали Святослава И. Иречек, Д. Шлюмберже (XIX в.), С. Рэнсимен, М. Д. Дринов, В. Н. Златарский, Н.П. Благоев (начало XX в.). С «военными походами в старой манере викингов» ассоциирует акции Святослава А. Власто.

В 1948 г. Г. Вернадский в работе «Киевская Русь» высказывается в пользу того, что Святослав проводил определенную государственную политику. А. Стоукс в ряде статей отказывается видеть в русском князе игрушку в руках византийской дипломатии – империя имела дело не с обычным «варваром», а с человеком, действовавшим в соответствии с внешнеполитическими интересами Руси. Стоукс также отвергает намерение Святослава создать империю, автор также подчеркивает, что Болгария была завоевана при помощи дипломатии – грубая сила применялась лишь эпизодически.

Изучению миниатюр, содержащихся в мадридском манускрипте хроники Скилицы, посвящает свое исследование американский автор И. Шевченко – он пытается доказать, что руссы, изображенные на миниатюрах, напоминают варягов. Болгарские исследователи 60 – 70-х гг. («История Болгарии», «История Византии» Д. Ангелова, Е. Михайлов) явно идеализируют болгаро-русские отношения – Святослав стремился «привлечь болгарское население на свою сторону», говорится также и о «крепком боевом содружестве» болгар и руссов.

На основе вышесказанного можно констатировать существование двух образов русского князя.

В пользу первого из них, образа «викинга», по мнению тех, кто именно таким видит князя, свидетельствует и разгром Хазарии, что отрицательно повлияло на функционирование Волжского торгового пути, и согласие Святослава за определенную мзду наказать болгар по просьбе Константинополя. Действительно, трудно не согласиться с тем, что военным походам Святослава присущи мобильность и внезапность, свойственные викингам (Лебедев 1985: с. 61). Однако викинг действует ради сиюминутной

выгоды – его цель захватить и разграбить, в планы викинга не входит долгое пребывание на захваченной земле: его дом – корабль, его жизнь – походы.

Действия же Святослава (и тут проявляется второй образ – «правителя») вполне укладываются в рамки политики, типичной для государств того времени – расширение владений и включение захваченного в систему внутригосударственных отношений. Именно так выглядит в описании греческого топарха «царствующий к северу от Дуная», и в этом «царствующем» есть основания видеть как раз Святослава (Сахаров 1991: 122). Именно так выглядит покорение Святославом вятичей. Точно так же, совсем не по-викингски, осел Святослав в Болгарии – «здесь середина земли моей».

Святослав (и здесь опять-таки проявляется образ «правителя») сражается, скорее, не мечом, а людьми, в своих интересах пользуется ими, умеет сыграть на их желаниях, о чем, наверное, говорит то, что и русский летописец (ПСРЛ 1962: 69,70), и греческие авторы (Диакон 1988: 56, 57, 79) уделяют очень большое внимание речам русского князя.

В связи этим хотелось бы отметить, что подлинную ценность для человека в Скандинавии эпохи викингов представляла только *domr um daudan hvern* – «суждение о каждом из мертвых», «посмертная слава» – *ordgomr* (Лебедев 1985: 157), и коль скоро многие из войска русов были, если и не сами оттуда (хотя ряд имен, упоминающихся в источниках в связи с этими событиями, явно скандинавского происхождения, например: Сфенкел, Икмор), то системы ценностей остальных воинов могли испытывать на себе это влияние, чем, может быть, и пользовался Святослав для поднятия боевого духа в войске (также здесь, на мой взгляд, возможен и иной вариант таких вдохновенных речей князя перед битвой, о чем см. ниже).

Два этих образа Святослава детально разработаны в научной литературе, однако существует, на мой взгляд, и третий, который я и попытаюсь показать. Многое из того, о чем будет сообщено ниже, уже отмечалось некоторыми исследователями относительно других русских князей – Олега и Владимира (Плетнева 1986, Толочко 1990, Рабинович 2000, Свердлов 2003), я же попытаюсь показать, что и Святослав в их ряду не смотрится особняком.

Данные источников позволяют представить князя в роли, отличной от традиционных образов храброго воина и искусного дипломата. Так что же это за данные?

Начнем с имени. *Свято-слав* – первое из имен русских князей, соединяющих в себе два смысловых контекста, которые могут указывать на функции его носителя – сакральную и воинскую (о возможности именно такого прочтения имени см. Рабинович 2000: 349). По-другому интерпретировал слово *Свято-слав* В. Н. Топоров, высказав мнение о возрастании славы у носителя этого имени (Рабинович 2000: 349, Свердлов 2003: 227), хотя, говоря о боге славян Балтики Свентовите, этот же автор допустил возможность интерпретации элемента *Svet- в языческом его понимании, как «святой», а, следовательно, и связь Свентовита с двумя функциями – воинской и магическо-юридической (Рабинович 2000: 349).

Также интересны данные, содержащиеся в болгарских летописях. Можно и нужно, конечно, спорить о достоверности этого источника, но сведения, относящиеся к Святославу, в большинстве своем не противоречат другим сведениям, содержащимся в иных источниках. Так, согласно этим данным, одним из имен Святослава было имя «Аудан» (Бахши Иман 1993), причем, также упоминается, правда уже в другом месте (Бахши Иман 1997), что так называли исполнителей жреческих песен.

Очень любопытна, насколько я могу судить, не будучи лингвистом, сходность написания этого слова со словом «Аудун», именем, упомянутым в «Круте земном» Снорри Стурлуссона. Автор этого произведения утверждает, что последнее происходит от имени скандинавского бога Одина (Стурлуссон 1980: 14), который сочетал в себе, по мнению скандинавов, воинские и жреческие функции, в ряде случаев отправляемых посредством песен (Стурлуссон 1980: 11 – 15). Мне не известно, идет ли здесь речь о сходстве фонетическом, а тем более генетическом, к тому же, комментатор издания «Круга земного» М. И. Стеблин-Каменский говорит о том, что слова «Один» и «Аудун» никак не связаны между собой (Стурлуссон 1980: 634). Однако, такое совпадение не может не настораживать.

Перейдем к внешнему облику русского князя, который дошел до нас благодаря византийскому историку Льву Диакону. Последний, сообщая о переговорах Святослава и Иоанна Цимисхия на берегу Дуная после заключения мирного договора, детально описал «архонта росов» (Диакон 1988: 82). И хотя, по мнению М. Я. Сюзюмова, Лев Диакон вряд ли мог быть очевидцем этого разговора (Диакон 1988: 144), свидетельству

этого автора все же можно доверять (так, например, трехбусинная серьга, упомянутая Диаконом в этом описании, вполне могла существовать в рамках традиции ношения подобных серег, распространившейся на Руси в конце X – начале XI вв. – Рябцева 2000: 180; именно с усами и без бороды, точно так же как и Святослав, представлен на монетах 988 – 990 гг., сын Святослава Владимир (Свердлов 2003: 254, 294), что тоже, кажется, подтверждает достоверность сообщения Диакона).

Поразительно сходство Святослава с идолом Перуна (опять-таки усы, отсутствие бороды (ПСРЛ 1962: 79)), поставленного Владимиром в Киеве в 980 г. во главе языческого пантеона (Свердлов 2003: 227) (А. П. Толочко отмечает связь Святослава с Велесом, об этом, по его мнению, свидетельствует «оселедец» русского князя, упомянутый Львом Диаконом (Толочко 1990: 55)), что может свидетельствовать о претензиях князя на определенную роль, параллели которой можно обнаружить в хазарских представлениях о структуре власти.

Такие данные предоставляет нам Ибн Фадлан, предпринявший в начале 20-х годов X в. поездку по Волге. Так, этот арабский путешественник, говоря о «царе русов», сообщает о том, что: «у него есть заместитель, который управляет войсками и <нападает на врагов>> и замещает его у его подданных» (Путешествие Ибн-Фадлана 1939: 84). Роль самого же царя очень напоминала роль царя хазар – хакана, обладавшего лишь представительскими и жреческими функциями, реальная же власть находилась у «заместителя» царя (Толочко 1990: 56; Плетнева 1986: 31; Свердлов 2003: 174).

На допустимость таких параллелей указывает ряд источников (в том числе и древнерусских), прямо называющих русских князей хаканами (см., например, Латиноязычные источники 1989: 10, 14). В связи с этим можно даже предположить, что такая система разделения властных функций могла какое-то время существовать и в Киевской Руси, особенно, если учитывать роль Свенельда и его возможные конфликты с князьями Игорем, Святославом и Олегом (ПСРЛ 1962: 54, 74).

Интересно поведение князя во время битв – ни один из источников об этом подробно не упоминает за исключением Льва Диакона, который скорее всего, стремился «варваризировать» образ Святослава. Этот греческий историк все время стремится противопоставить цивилизованному греко-римско-

му миру, мир варварства, причем противопоставление это построено на двух образах наиболее выдающихся представителей этих двух миров. С одной стороны, перед нами Никифор Фока, которого затем сменяет Иоанн Цимисхий, с другой стороны, это Святослав, воплощение варвара, хотя, конечно, между этими людьми гораздо больше общего, нежели разного. Именно ради достижения этой цели Лев Диакон на протяжении всей части его «Истории», повествующей о войне с руссами, и употребляет эпитеты – «дерзкий», «надменный», «безумный».

Гораздо менее тенденциозен при описании Святослава Иоанн Скилица, в хрониках которого Святослав предстает равным Цимисхию. Так, в частности, Святослав варваром не назван ни разу, более того чувствуется даже определенная симпатия этого греческого автора к руссам (например, по словам Скилицы, Сфангел, один из русских воинов, сражался «геройски») и к самому князю.

Кроме того, в отличие от Диакона, в рассказе Скилицы присутствуют некоторые, весьма важные детали, совсем не говорящие в пользу «варварства», «безумия» Святослава. Это сообщения о вылазке росов за продовольствием и более развернутый рассказ о последнем бое под Доростолом.

Вполне возможно, что эти события все же были известны Диакону, но его стремление архаизировать облик русского князя заставило его обойти их. Ведь достаточно красноречиво характеризует Святослава его отказ сразиться с Цимисхием (еще один вариант прочтения зашифрованной здесь информации см. ниже) – по словам того же Диакона, именно разрешение споров поединком характеризует варваров).

О непосредственном участии русского князя в битвах говорить сложно. Более того, из описания греческими авторами эпизода о сшибании Святослава с коня (с ног) во время последней битвы под Доростолом, видно, что Святослав не находился впереди своего войска:

«Анемас, [...] вырвался на коне вперед [...], опустив поводья, устремился на [предводителя росов] и, ударив его мечом по ключице» (Лев Диакон 1988: 80) и «...и с юношеской отвагой помчался на самого Свендослава. Разорвав вражеский строй, он нанес ему удар...» (Лев Диакон 1988: 131).

В этой связи не следует забывать и об отказе русского князя принять вызов на поединок, брошенный ему, согласно Иоанну

Скилице, Цимисхием во время последней битвы под Доростолом. Можно даже предположить, что Святославу и не было нужды самому участвовать в битве – сакральный смысл предводителя дружины, талисмана, приносящего удачу, мог и не требовать от вождя быть впереди войска, а требовал хотя бы присутствия последнего в битве и совершения им каких-то символических действий. Вспомним эпизод из Повести временных лет (ПВЛ) о мщении Ольги древлянам, когда Святослав, будучи ребенком, метнул копье (знак власти у индоевропейских народов (Свердлов 2003: 46, 78- 79)) в войско древлян, положив начало битве (ПСРЛ 1962: I, 58). И здесь опять обратимся к Скандинавии.

Согласно одному из скандинавских мифов, бог Один мог начинать войны, бросая на землю свое копье – Гунгнир (The Kingfisher book... 1998: 51), что явно напоминает вышеупомянутый эпизод из ПВЛ. Тот же Один, перед тем как послать людей в битву, давал им свое благословение, что должно было принести им удачу (Стурлуссон 1980: 11).

Не эту же роль играли воинственные речи Святослава, обращенные к его воинам перед битвами? Не явилось ли знаменитое предупреждение русского князя – «иду на вы», отраженное в ПВЛ, своеобразным заклинанием, призванным как-то воздействовать на неприятеля (ср. «Один мог сделать так, что в бою его недруги становились или слепыми или глухими или наполнялись ужасом, а их оружие ранило не больше, чем хворостинки...» (Стурлуссон 1980: 13) и «...Хакон ярл в этой битве, чтобы одержать победу, принес в жертву богам Эрлинга, своего сына» (Стурлуссон 1980: 125)) и не этой ли цели должно было послужить жертвоприношение, совершенное руссами накануне последней битвы под Доростолом?

Отдельно стоит сказать и о жертвоприношениях, совершаемых конунгами – отправление такого рода ритуалов часто упоминается Стурлуссоном в Круге земном (С. 34, 77, 125). Приносил жертвы и Один (Стурлуссон 1980: 14, 15). Нет прямых свидетельств о жертвоприношениях, совершаемых непосредственно Святославом или его предшественниками (хотя Д. А. Мачинский считает, что на роль князя-жреца претендовал еще Олег (Рабинович 2000: 348)), но относительно сына Святослава Владимира в сообщении ПВЛ за 983 г. прямо говорится о том, что последний приносил жертвы «кумирам».

Вопрос в том, состоит ли в генетической связи обычай, послуживший источником этого сообщения ПВЛ, с аналогичными (см. выше) обычаями Скандинавии, или источник этого обычая иной? А может Владимир, бежавший, кстати, по ПВЛ, к варягам, был первым из князей на Руси, кто начал совершать жертвоприношения по скандинавскому образцу?

Далее, в саге о сыновьях Харальда сообщается: «Говорят, что во время битвы Тьостольв сын Али держал Инги конунга у себя за пазухой и шел под знаменем и что его очень теснили со всех сторон» (Стурлуссон 1980: 515). Инги был сыном конунга и в это время ему было около двух лет. В бой же он был взят как раз для того, чтобы своей удачей принести победу. Точно также были ценны и подарки конунгов – считалось, что этим конунг делится опять-таки своей удачей (Стурлуссон 1980: 205, 379). Именно от правителей зависело также и благосостояние народа (Гуревич 1977: 279). И если из-за неурожая или по другим причинам случался голод, то народ вполне мог изгнать или даже убить такого конунга (Гуревич 1977: 237; Стурлуссон 1980: 18, 34, 616, 617, 622), так как считалось, что эти события напрямую связаны с функциями конунгов, которые, как полагалось, обладали магическими способностями (Гуревич 1977: 295).

Убийство уже русских князей предполагает О. П. Толочко (С. 58 – 60), обнаруживая

эти данные в летописных сюжетах о смерти Олега и Игоря (хотя, на мой взгляд, это предположение должно быть все же более обоснованным).

Все вышеизложенное, на мой взгляд, позволяет говорить о том, что Святослав может быть представлен жрецом, на что указывают данные, относящиеся как к Скандинавии, так и к Хазарскому каганату. Регионы эти, как известно, имели к Руси самое непосредственное отношение, хотя я и не рискну (по крайней мере, сейчас) говорить о непосредственной связи представлений о власти в Хазарии и Скандинавии. На мой взгляд, это требует отдельного исследования.

Как отмечалось, о жреческой роли русского князя может свидетельствовать теофорность слова *Святослав*, один из элементов которого, *Svet-, может указывать на причастность князя к сакральному. Внешний облик князя, поразительно напоминающий идол Перуна, также, возможно, свидетельствует об этом.

Сейчас я намеренно не хочу касаться другой значительной фигуры, имеющей самое непосредственное отношение к Святославу – Свенельда, но соблазнительно было бы дополнить «священного» князя «военным заместителем» по хазарскому «образцу» (Толочко 1990: 56), особенно, если вспомнить длительное взаимодействие Руси и Хазарского каганата, хотя это, конечно же, требует отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М. И. 1962. История хазар. Л., Издательство Государственного Эрмитажа.
- Атанасов Г. 2001. Клады земледельческих орудий из Южной Добруджи (X – начало XI вв.) // *Stratum Plus*, №5 «Неславянское в славянском мире», СПб – Кишинев – Одесса.
- Бахши Иман. 1993. Джагфар Тарихы. Т. I. Свод болгарских летописей 1680 год. Изложение текста «Джагфар тарихы» на русском языке, сделанное И.М.-К. Нигматуллиным в 1939 году. Оренбург, Редакция вестника «Булгария».
- Бахши Иман. 1997. Джагфар Тарихы (История Джагфара). Т. III. Редакция вестника «Булгар иле». <http://jagfar.narod.ru/>
- Бейлис В. М. 1974. К оценке сведений арабских авторов о религии древних славян и русов // *Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы*. Т. 3. М., «Наука» с. 72 – 89.
- Гумилев Л. Н. 1992. От Руси до России. Очерки этнической истории. СПб.
- Гуревич А. Я. 1997. Норвежское общество в Раннем Средневековье. Проблемы социального строя и культуры. М., «Наука».
- Карамзин Н. М. 1989. История государства Российского. Т. I. М., «Наука».
- Ключевский В. О. 1993. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Книга Первая. М., «Мысль».
- Коновалова И. Г. 2001. Поход Святослава на восток в контексте борьбы за «хазарское наследство» // *Stratum Plus*, №5 «Неславянское в славянском мире», СПб – Кишинев – Одесса.
- Константин Багрянородный. О церемониях. <http://www.thietmar.narod.ru/>.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. http://oldru.narod.ru/biblio/kb_imp.htm.
- Кучкин В. А. 1984. Формирование государственной территории северо-восточной Руси в X – XIV вв. М.
- Лебедев Г. С. 1985. Эпоха викингов в Северной Европе: историко-археологические очерки. Л., Издательство Ленинградского государственного университета.
- Лев Диакон. 1988. История. М., «Наука».
- Латиноязычные источники по истории древней Руси. 1989. М. – Л.
- Литаврин Г. Г. 1988. Формирование и развитие Болгарского раннефеодального государства // *Как была крещена Русь*. М., Издательство политической литературы.
- Майко В. В. 2000. Хазаро-русско-византийские отношения в середине X в. и Крымская Хазария // *Stratum Plus*, №5 «Великая Скуфь», СПб – Кишинев – Одесса – Бухарест.

- Назаренко А. В. 2001. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей XI – XII веков. М.
- Новосельцев А. П. 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.
- Петрухин В. Я. 1995. Начало этнокультурной истории Руси IX – XI веков. М.
- Плетнева С. А. 1986. Хазары. М., «Наука».
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. 1962. т. I. Лаврентьевская летопись. М.; 1962. т. II. Ипатьевская летопись. М., Издательство восточной литературы.
- Путешествие ибн-Фадлана на Волгу. 1939. М. – Л., Издательство Академии наук СССР.
- Рабинович Р. А. 2000. Испытание «волошским орехом», или Балканские волохи и русские волхвы // *Stratum Plus*, №5 «Великая Скуфь», СПб – Кишинев – Одесса – Бухарест.
- Руссев Н. Д. 2001. «Яко ту вся благая сходятся»: антропология дунайской трагедии 968 – 971 гг. // *Stratum Plus*, №5 1999 «Неславянское в славянском мире», СПб – Кишинев – Одесса.
- Рябцева С. С. 2000. Трехбусинные кольца от Вислы до Волги // *Stratum Plus*, №5 «Великая Скуфь», СПб – Кишинев – Одесса – Бухарест.
- Сахаров А. Н. 1991. Дипломатия Святослава. М., «Международные отношения».
- Свердлов М. Б. 2003. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб, «Академический проект».
- Снорри Стурлуссон. 1980. Круг земной. М., «Наука».
- Соловьев С. М. 1959. История России с древнейших времен. т. I. М.
- Толочко О. П. 1990. До питання про сакральні чинники становлення князівської влади на Русі у IX – X ст. // *Археологія*, №1, Київ, «Наукова думка».
- The Kingfisher book of mythology. Gods, goddesses, and heroes from around the world. 1998. London, Kingfisher publications plc.